DOI 10.35264/1996-2274-2020-2-96-107

СЦЕНАРИИ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ СИСТЕМНО-ДИНАМИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Д.С. Жуков, доц. Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, канд. ист. наук, доц., ineternatum@mail.ru

Д.Г. Сельцер, проф. Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, д-р полит. наук, проф., seltser@yandex.ru

Н.С. Барабаш, нач. отд. ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, канд. филол. наук, nsb@extech.ru

Рецензент: Н.Е. Зудов

В статье представлены реалистичный и альтернативный (контрфактический) сценарии развития региональных административно-политических элит в России в 1985–2004 гг. Сценарии построены посредством системно-динамической модели, имитирующей рекрутирование элит в программной среде Powersim Studio. Модель описывает механизмы и каналы пополнения управленческих кадров, а также социополитические силы, которые влияли на элитозамещение. Эксперименты с моделью позволяют исследовать разные варианты эволюции элит. Контрфактический сценарий исходит из гипотетического отказа М.С. Горбачева от демонтажа номенклатурной системы и от ликвидации контроля КПСС над «расстановкой кадров». Модель демонстрирует, что в этом случае не произошло скоротечной деградации региональных элит (как это было в реалистичном сценарии). Однако к началу 2000-х гг. возникли иные системные проблемы, связанные с разрывом между принципами формирования управленческого аппарата и трансформирующимися социально-экономическими реалиями.

Ключевые слова: системно-динамическое моделирование, административно-политические элиты, регионы России, политология, позднесоветский период, постсоветский период.

SCENARIOS OF TRANSFORMATION OF REGIONAL ELITES IN THE LATE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS: RESULTS OF SYSTEM-DYNAMIC MODELING

D.S. Zhukov, Associate Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Doctor of Historical Sciences, ineternatum@mail.ru

D.G. Seltser, Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Ph.D., seltser@yandex.ru

N.S. Barabash, Head of Department, SRI FRCEC, Doctor of Philology, nsb@extech.ru

The article presents realistic and alternative (counterfactual) scenarios for the development of regional administrative and political elites in Russia in 1985–2004. The scenarios are built using a system-dynamic model that simulates elite recruitment in the Powersim Studio software environment. The model describes the mechanisms and channels for recruiting managerial personnel, as well as the sociopolitical forces that influenced elite substitution. Experiments with the model allow us to explore different variants of the evolution of elites. The counterfactual scenario proceeds from the hypothetical refusal of M.S. Gorbachev from dismantling the

nomenclature system and from eliminating the CPSU's control over the «placement of personnel». The model demonstrates that in this case, there was no rapid degradation of regional elites (as was the case in the realistic scenario). However, by the beginning of the 2000s, other systemic problems arose due to the gap between the principles of forming the management apparatus and the transforming socio-economic realities.

Keywords: system-dynamic modeling, administrative-political elites, regions of Russia, political science, late Soviet period, post-Soviet period.

Задача, подходы и инструментарий

Задача исследования состояла в построении контрфактического сценария развития региональных административно-политических элит в России в конце 1980-х — начале 2000-х гг. Одной из системных проблем, «взорвавших» СССР и долгое время поддерживавших «инерцию распада» России, было формирование не лояльных союзному (федеральному) центру местных элит, обладавших собственными ресурсами и мотивами, не сопряженными с общенациональными интересами.

Авторы исходят из представления о том, что отправной точкой возвышения таких элит было скоротечное разрушение номенклатурной системы рекрутирования управленческих кадров, произошедшее после ряда решений М.С. Горбачева. Используя системно-динамическую модель рекрутирования элит, авторы поставили вопрос о возможных иных вариантах динамики элит в случае отказа М.С. Горбачева от некоторых политических преобразований. В экспериментах с системно-динамической моделью были изучены гипотетические (альтернативные, контрфактические) возможности кадровой политики в горизонте до 2004 г. Потенциал существующей — реальной — системы может быть исследован в сравнении с нереализованными вариантами.

Модель рекрутирования региональных административно-политических элит России (1985–2019) была презентована авторами в предшествующих публикациях [5]. Теоретико-методологическая база исследования включает идеи и инструментарий системно-динамического моделирования (СДМ) [1, 4, 6, 11, 14], а также наработки элитологии [2, 3, 10, 19, 20]. Эмпирической базой для модели послужили конкретно-предметные исследования по восьми областям и республикам Центральной России и Поволжья [7–9, 12, 13, 15–18]. Модель имитирует в виртуальной среде механизмы, каналы рекрутирования, а также поведение заинтересованных акторов. Это дает возможность проводить вычислительные эксперименты, изменяя те или иные условия модели (например, решения акторов или уровни их влиятельности). Модель в формате Powersim, а также серия альтернативных сценариев доступны онлайн [URL: <http://ineternum.ru/sdml> (дата обращения: 30.09.2020)].

«Система в рамках СДМ представляется в виде диаграммы (схемы) запасов и потоков. Элементы и связи в такой диаграмме отражают качественные политологические представления и, в то же время, наделены определенными математическими смыслами... Разработанная нами модель имитирует ряд хронологически последовательных состояний системы рекрутирования: диаграмма запасов и потоков совмещает несколько исторических периодов — с 1985 до 2019 г.

Интерес представляет динамика численности двух запасов («низшее и среднее звенья элиты» и «высшее звено элиты»), а также количество людей, которые пополняли элиту (каждый из двух запасов) из разных источников (и посредством разных механизмов) в течение каждого периода. Модель позволяет отслеживать (по состоянию на каждое полугодье) интенсивность потоков, которые пополняют элиту и исходят из разных социальных источников (сред/резервуаров)» [5].

На рис. 1 показана диаграмма запасов и потоков. Обозначения элементов диаграммы даны в табл. 1.

Рис. 1. Диаграмма запасов и потоков

Таблица 1

Обозначения элементов диаграммы запасов и потоков

Графические символы	Смысл элемента в данной модели	Термины, принятые в СДМ
Звенья — совокупность позиций в элите того или иного уровня	Запасы/уровни/переменные уровней
Потоки — каналы перемещения людей между звеньями элиты; каналы для поступления новобранцев в элиту из разных социальных сред; каналы сброса численности элиты	Потоки/материальные связи
Среды/социальные резервуары, из которых пополняется элита	Внешние источники
Механизмы, посредством которых акторы продвигали своих представителей в состав элиты	Переменные темпа
Вспомогательные переменные
Акторы, которые воздействовали на формирование элиты	Вспомогательные переменные
Влияние — информационные связи между акторами и механизмами	Коннекторы
Ярлыки	Ярлыки/псевдонимы

Исторический контекст

Радикальное повышение значимости выборных процедур (при формировании руководящих органов КПСС и государства) стало ключевым событием, инициировавшим быстрое разрушение номенклатурной системы, в том числе механизмов рекрутирования региональной административно-политической элиты. Партия не только лишилась контроля над замещением важнейших должностей в регионах (кадровый контроль), но и утратила легитимность как институт, дублирующий государственные функции.

Введение выборов было одним из главных лозунгов генерального секретаря ЦК КПСС. Январский пленум ЦК КПСС 1987 г. по кадровым вопросам дал старт этой тенденции. Фактически одним из логических результатов такой политики стал Указ Президента РСФСР Б.Н. Ельцина от 23.07.1991 «О департизации».

Выборы создавали новые механизмы и каналы проникновения в элиту. Поэтому партия весьма быстро потеряла свое монопольное право на подбор и расстановку кадров. Выборы в партии (1987–1990) и государстве (1989–1990) хаотизировали существовавшую тогда номенклатурную систему. В конечном счете это было одним из факторов распада СССР. Избранные на альтернативной основе советы и, следовательно, председатели исполкомов советов обрели легитимность, позволившую им освободиться от партийного влияния, в том числе и в кадровых вопросах. На предприятиях корпоративная кадровая политика вернулась в руки руководителей-хозяйственников.

Реалистичный сценарий

Прежде чем ответить на вопрос, что было бы, если М.С. Горбачев не ввел выборные процедуры в партии и государстве, рассмотрим реалистичный сценарий. Этот сценарий, который имитирует свершившийся вариант развития событий, был сопоставлен с известными

историческими данными [7–9]. Модель, таким образом, была верифицирована и показала способность корректно описывать эмпирические факты.

Рис. 2 демонстрирует, что динамика элиты в реалистичном сценарии отчетливо распадается на три этапа. В контексте данного исследования интересны прежде всего первые два из них.

Рис. 2. Состав новобранцев в высшее звено элиты в течение минимального периода полного обновления, реалистичный сценарий

В течение первого этапа (1985–1998) доминирующего положения достигли группы, от которых трудно было ожидать лояльности по отношению к федеральным властям. Это представители бизнеса, криминала и оппозиции. После 1991 г. эти группы быстро вытеснили старые номенклатурные кадры. К концу этого этапа федеральный центр непосредственно столкнулся с проблемой неуправляемости региональных элит и администраций не только в отдельных национальных республиках, но и во множестве иных субъектов федерации.

Низкое качество скоротечно сформировавшихся административно-политических элит вело к масштабному разворачиванию коррупционных практик и к отчуждению населения от властей. Адресатами недовольства народа, как правило, становились не только и не столько регионалы, сколько федеральные властные институты, которые инициировали (в лице Б.Н. Ельцина) деструктивные процессы.

Содержание второго этапа (1998–2009) определяется попытками обновленного федерального центра переломить негативные тенденции, используя наиболее доступные и быстрые инструменты. Политика выстраивания вертикали власти, которую проводил новый президент В.В. Путин, предусматривала, среди прочего, препятствование (а затем и полный запрет) проникновению криминала в органы власти, а также ослабление роли выборов как механизма формирования местных элит. Это уменьшило приток в элиту бизнеса, криминала и оппозиции. Заметные результаты (в плане изменения состава элиты) такая политика начала давать к 2004 г. Если до того момента численное доминирование указанных групп

сохранялось (хотя и медленно убывало), то с этого момента их доля в элите начала быстро и неуклонно сокращаться.

Бизнес, криминал и оппозиция в составе элиты уступили место не только выдвиженцам партии власти, варягам и силовикам (их влияние и доля росли до 2010 г. довольно медленно), но, главным образом, представителям группы, которую мы обозначили как «родственники и знакомые». Это «люди, которые получили элитные позиции, поскольку состояли в разного рода личных отношениях с представителями уже существующей элиты. Механизм рекрутирования таких людей мы обозначили как «наследование». Рекрутирование элиты на основании личных связей порождено естественным стремлением элиты как социальной группы к замыканию, к наследованию и воспроизводству в поколениях своего статуса» [5].

Такой побочный эффект чистки элит сформировал системную проблему, которая означала сохранение (конечно, в существенно меньшей мере, нежели в ельцинский период) невысокого качества элит и их низкой — мерцающей — легитимности. «Борьбой государства за оздоровление элиты в полной мере воспользовались не провластные силы, а именно традиционалистские институты, которые очень быстро возродились и отомобилизовались» [5].

Динамика низшего и среднего звеньев элиты представлена на рис. 3. Очевидно, что процессы в течение первого этапа в этих звеньях можно характеризовать как катастрофу, а оздоровление элиты в течение второго этапа слишком затянулось и не принесло ожидаемых результатов.

Рис. 3. Состав новобранцев в среднее и низшее звенья элиты в течение минимального периода полного обновления, реалистичный сценарий

Пока существовали номенклатурная система и партийный контроль над расстановкой кадров, райкомы и горкомы КПСС, а также партийные ячейки на предприятиях занимались рекрутированием в состав управленцев активных и талантливых выходцев из разных сфер — из числа так называемых сотрудников предприятий, организаций и учреждений. После департизации не осталось фактически ни одного регионального органа, который был бы заинтересован и имел бы возможность поддерживать такой отбор, т. е. сохранять карьерные лифты. Поэтому управленческий аппарат быстро наполнился представителями криминала,

а затем — «родственниками и знакомыми». «И лишь с 2014 г. был запущен механизм отбора — в среднем звене стали появляться варяги (из числа местных деятелей, перемещенных в другие районы или другие ведомства); а в низшее звено наметился приток активной молодежи при поддержке государственных программ карьерного роста и мобильности. Однако эти механизмы пока не успели насытить элиту активными и талантливыми выходцами из других социальных сред» [5].

Контрфактический сценарий

Отправной точкой альтернативного сценария является отказ Михаила Горбачева от принятия в конце 1980-х — начале 1990-х гг. решений, направленных на слом номенклатурных практик и передачу властных функций (в том числе кадрового контроля) от партийных органов к советским.

Для реализации этого сценария в базовую модель (реалистичный сценарий) были внесены следующие модификации:

1) величины влияния всех акторов на другие акторы и на механизмы рекрутирования сохранились на уровне последнего года существования СССР (за исключением тех случаев, которые специально оговорены в дальнейшем);

2) выборы не стали сколько-либо значимым механизмом рекрутирования;

3) ЦК КПСС, обкомы/рескомы, горкомы и райкомы КПСС сохранялись;

4) новая партия власти не возникла;

5) функции региональной администрации (в кадровой сфере) остались у обкома/рескома КПСС;

6) номенклатурная система сохранялась: обком КПСС снижал поощрение механизмов «наследования» до 0,11 для «наследования 1» и до 0,33 — для «наследования 2». Эта величина втрое меньше, чем та, которая установилась в последний год перед разрушением номенклатуры. Обком КПСС сокращал поддержку локальных администраций (стремящихся к усилению механизма «наследования 1») до 0,32. Эта величина вдвое меньше, чем та, которая установилась в последний год перед разрушением номенклатуры;

7) механизмы отбора (т.е. вертикальной карьерной мобильности в управленческом аппарате, а также каналы пополнения элиты из внеэлитных сред) не замораживались.

Контрфактический сценарий построен до 2004 г. Именно в этом году в реалистичном сценарии дали видимые результаты усилия В.В. Путина по выстраиванию вертикали власти и трансформации системы рекрутирования. Соответственно, были финализированы тенденции, начавшиеся в конце 1980-х гг.

Условия эксперимента содержат три принципиальных, хотя и недостаточно явных, условия.

1. Изменились лишь политико-кадровые решения Горбачева. Но такие решения не останавливали характерное для реалистичного сценария социально-экономическое развитие страны (включая капиталистическую трансформацию и, например, появление бизнеса и криминала как влиятельных акторов и пр.).

2. Институты КПСС и номенклатурные практики в альтернативном сценарии хотя и продолжили существование, но значительно ослабли: модель пролонгирует их состояние 1990—1991 гг. Не имеет смысла моделировать условия «позднего Брежнева».

3. С конца 1980-х гг. до 2004 г. не принимались какие-либо принципиальные решения относительно изменения системы рекрутирования элит. Альтернативный сценарий целиком исходит из решений последнего Генерального секретаря ЦК Компартии Советского Союза о сохранении КПСС и номенклатуры. И в этом смысле такой альтернативный сценарий является инерционным.

Результаты моделирования представлены на рис. 4—7.

В нижнем и среднем звеньях элиты (см. рис. 4) ослабление номенклатурных практик и давление патологических проявлений капиталистической трансформации привели к обвалу в конце 1990-х гг. доли карьерных номенклатурщиков и к замещению их выходцами из

криминальной среды и, в меньшей мере, «родственниками и знакомыми». Хотя процесс этот развивался существенно более медленно, нежели в реалистичном сценарии, тем не менее в альтернативной реальности состояние нижнего и среднего звеньев также оказалось в конце концов катастрофическим.

Рис. 4. Состав новобранцев в низшее и среднее звенья элиты в течение минимального периода полного обновления, альтернативный сценарий

К этому следует добавить, что общая численность этих звеньев сильно колеблется (рис. 5) вследствие того, что слишком много новобранцев проникает в состав элиты и система нуждается в регулярном сбросе излишков. Поскольку этот механизм действует с задержкой, возникают колебания, которые, очевидно, ведут к депрофессионализации административного аппарата и к разрушению преемственности управленческих практик.

Рис. 5. Динамика общей численности среднего и низшего звеньев административной элиты, альтернативный сценарий

Альтернативная ситуация в высшем звене элиты внешне представляется довольно стабильной (см. рис. 6). Доля нелояльных групп росла, но медленно. Карьерные номенклатурщики (от которых существующая власть, безусловно, могла ожидать лояльности) медленно сдавали позиции, но к 2004 г. сохраняли весомые 47 % мест. Следует также учитывать, что более 11 % мест были заняты к 2004 г. и лояльными силовиками.

Рис. 6. Состав новобранцев в высшее звено элиты в течение минимального периода полного обновления, альтернативный сценарий

Однако более детальный анализ показывает существование системных проблем, вызванных, очевидно, тем фактом, что система рекрутирования оказалась «замороженной», тогда как вне ее происходили бурные трансформационные процессы. Возникали новые интересы и силы, от которых партия всеми силами пыталась отгородить механизмы рекрутирования.

Во-первых, некоторая часть карьерных номенклатурщиков, вошедших в высшее звено из среднего, должна была быть представителями криминала, которые к тому времени уже прочно обосновались внизу управленческого аппарата. Можно предположить, что это должно было бы привести к сбоям в работе номенклатурных карьерных лифтов.

Во-вторых, динамика численности высшего звена (см. график, рис. 7) показывает существенный провал. Механизмы пополнения элиты недостаточно хорошо работали, чтобы рекрутировать работников, соответствующих требованиям. И в то же время система не была достаточно открыта для внешних акторов, чтобы пополняться более активно из их среды. Ведь эта среда как минимум была чужда партийным интересам. Та позитивная для власти картина, которая наблюдается в составе элиты на рис. 6, на самом деле была сформирована за счет решительного сокращения численности элиты.

Рис. 7. Динамика численности высшего звена административно-политической элиты, альтернативный сценарий

Конечно, такой существенный кадровый голод в высшем звене элиты может существовать лишь в виртуальной реальности. В действительности очевидно, что проблема недостатка кадров должна была бы решаться «в ручном режиме» — посредством экстраординарных внесистемных решений. В этом случае элита неизбежно должна была бы пополняться людьми, которые нашли «обходные пути наверх». И доля таких людей должна была бы достигать 35 %.

Заключение

Партийный контроль и номенклатурные практики могли бы продолжать существовать, обеспечивая к началу 2000-х гг. более высокие (или, во всяком случае, не менее низкие) качество элит и уровень их лояльности, нежели в реалистичном сценарии. Однако несоответствие системы рекрутирования и общих социально-экономических трансформаций тем не менее существенно деформировало элиту и механизмы ее пополнения. Если в реальности федеральная власть вынуждена была бороться за существование с открыто или почти открыто нелояльными группами, которые доминировали в элитах, то для альтернативного сценария были характерны более скрытые и, тем не менее, также опасные угрозы. Это инфильтрация представителей криминальной среды и «случайных людей», кадровый голод и неспособность наладить динамичные механизмы отбора. Необходимость реформ системы рекрутирования стала очевидна к 2000-м гг. и в реалистичном, и в альтернативном сценариях.

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (гранты № 20-011-00105 и № 20-011-31122 совместно с ЭИСИ).

Список литературы

1. Ахременко А.С. Динамический подход к математическому моделированию политической стабильности // Полис. Политические исследования. 2009. № 3. С. 105–112.
2. Гаман-Голутвина О.В. Метафизические измерения трансформаций российских элит // Политическая концептология. 2012. № 3. С. 38–53.
3. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
4. Гараедаги Дж. Системное мышление. Как управлять хаосом и сложными процессами: Платформа для моделирования архитектуры бизнеса. Минск: Гревцов Букс, 2010. 480 с.
5. Жуков Д.С., Сельцер Д.Г. Системная динамика российской региональной элиты (1985–2019 гг.): альтернативные сценарии // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 4. С. 40–74. URL: <https://naukaru.ru/ru/storage/download/44074> (дата обращения: 30.09.2020).
6. Медоуз Д. Азбука системного мышления. М.: Бином, Лаборатория знаний, 2011. 343 с.
7. Сельцер Д.Г. Взлеты и падения номенклатуры. Тамбов: ОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2006. 592 с.
8. Сельцер Д.Г. Рекрутирование локальной административной элиты России: исходные данные для построения системно-динамической модели // Pro nunc. Современные политические процессы. 2017. № 2. С. 27–32.
9. Сельцер Д.Г., Жуков Д.С. Рекрутирование региональной административно-политической элиты России, 1990–2017 гг.: подходы к построению системно-динамической модели // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. № 4. С. 78–101. URL: <https://riorgpub.com/ru/nauka/article/19598/view> (дата обращения: 30.09.2020).
10. Федорченко С.Н. Государственная кадровая политика в Советском Союзе и современной России: политико-философский анализ. М.: Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2017. 154 с.
11. Форрестер Дж. Мировая динамика. М.: Наука, 1978. 168 с.
12. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2017. 414 с.
13. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Сельцер Д.Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. Политические исследования. 2014. № 2. С. 88–105.

14. Axelrod R. Modeling Security Issues of Central Asia. Ann Arbor: University of Michigan, 2004. 23 p.
15. Ledyayev V., Chirikova A., Seltser D. Who governs? Power in the local Russian community // Journal of Political Power. 2014. Vol. 7. Is. 2. P. 211–231.
16. Ledyayev V.G., Chirikova A.E. Governors and local elites in Russia: patterns of interaction // European politics and society. 2019. Vol. 20. Is. 3. P. 315–332.
17. Ledyayev V.G., Chirikova A. Power in local Russian communities: patterns of interaction between // Urban Affairs Review. 2017. Vol. 53. Is. 6. P. 990–1024.
18. Ledyayev V.G., Chirikova A.E. Urban regimes in small Russian towns // City & Community. 2019. Vol. 18. Is. 3. P. 812–833.
19. Sharafutdinova G., Turovsky R. The politics of federal transfers in Putin's Russia: Regional competition, lobbying, and federal priorities // Post-Soviet Affairs. 2017. Vol. 33. Is. 2. P. 161–175.
20. Turovsky R., Gaivoronsky Y. Russia's regions as winners and losers: Political motives and outcomes in the distribution of federal government transfers // European Politics and Society. 2017. Vol. 18. No 4. P. 529–551.

References

1. Akhremenko A.S. (2009) *Dinamicheskiy podkhod k matematicheskomu modelirovaniyu politicheskoy stabil'nosti* [A dynamic approach to mathematical modeling of political stability] *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 3. P. 105–112.
2. Gaman-Golutvina O.V. (2012) *Metafizicheskie izmereniya transformatsiy rossiyskikh elit* [Metaphysical dimensions of the transformations of Russian elites] *Politicheskaya kontseptologiya* [Political Conceptology]. No. 3. P. 38–53.
3. Gaman-Golutvina O.V. (2006) *Politicheskie elity Rossii: vekhi istoricheskoy evolyutsii* [Political Elites of Russia: Milestones of Historical Evolution] *ROSSPEN* [ROSSPEN]. Moscow. P. 448.
4. Garaedagi J. (2010) *Sistemnoe myshlenie. Kak upravlyat' khaosom i slozhnymi protsessami: Platforma dlya modelirovaniya arkhitektury biznesa* [Systems thinking. How to manage chaos and complex processes: A platform for modeling business architecture] *Grevtsov Buks* [Grevtsov Books]. Minsk. P. 480.
5. Zhukov D.S., Seltser D.G. (2019) *Sistemnaya dinamika rossiyskoy regional'noy elity (1985–2019 gg.): al'ternativnye stsennarii* [System dynamics of the Russian regional elites (1985–2019): alternative scenarios] *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research]. Vol. 3. No. 4. P. 40–74. Available at: <https://naukaru.ru/ru/storage/download/44074> (date of access: 30.09.2020).
6. Meadows D. (2011) *Azbuka sistemnogo myshleniya* [The ABC of Systems Thinking] *Binom, Laboratoriya znaniy* [Binom. Laboratory of Knowledge]. Moscow. P. 343.
7. Seltser D.G. (2006) *Vzlety i padeniya nomenklatury* [The ups and downs of the nomenclature] *OGUP «Tambovpoligrafizdat»* [OGUP «Tambovpoligrafizdat»]. Tambov. P. 592.
8. Seltser D.G. (2010) *Rekrutirovanie lokal'noy administrativnoy elity Rossii: iskhodnye dannye dlya postroyeniya sistemno-dinamicheskoy modeli* [Recruiting the local administrative elite of Russia: initial data for building a system-dynamic model] *Pro nunc. Sovremennye politicheskie protsessy* [Pro nunc. Modern political processes]. No. 2. P. 27–32.
9. Seltser D.G., Zhukov D.S. (2017) *Rekrutirovanie regional'noy administrativno-politicheskoy elity Rossii, 1990–2017 gg.: podkhody k postroyeniyu sistemno-dinamicheskoy modeli* [Recruiting the regional administrative-political elite of Russia, 1990–2017: approaches to building a system-dynamic model] *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research]. Vol. 1. No. 4. P. 78–101. Available at: <https://riorpub.com/ru/nauka/article/19598/view> (date of access: 30.09.2020).
10. Fedorchenko S.N. (2017) *Gosudarstvennaya kadrovaya politika v Sovetskom Soyuze i sovremennoy Rossii: politiko-filosofskiy analiz* [State personnel policy in the Soviet Union and modern Russia: political and philosophical analysis] *Nauchno-izdatel'skiy tsentr INFRA-M* [Scientific publishing center INFRA-M]. Moscow. P. 154.
11. Forrester J. (1978) *Mirovaya dinamika* [World dynamics] *Nauka* [Nauka]. Moscow. P. 168.
12. Chirikova A.E., Ledyayev V.G. (2017) *Vlast' v malom rossiyskom gorode* [Power in a small Russian town] *Izd. dom NIU VShE* [Ed. House of Higher School of Economics]. Moscow. P. 414.

13. Chirikova A.E., Ledyayev V.G., Seltser D.G. (2014) *Vlast' v malom rossiyskom gorode: konfiguratsiya i vzaimodeystvie osnovnykh aktorov* [Power in a small Russian town: configuration and interaction of the main actors] *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 2. P. 88–105.
14. Axelrod R. (2004) Modeling Security Issues of Central Asia. Ann Arbor. University of Michigan Publ.
15. Ledyayev V., Chirikova A., Seltser D. (2014) Who governs? Power in the local Russian community. *Journal of Political Power*. Vol. 7. Issue 2. P. 211–31.
16. Ledyayev V.G., Chirikova A.E. (2019) Governors and local elites in Russia: patterns of interaction. *European politics and society*. Vol. 20. Issue 3. P. 315–332.
17. Ledyayev V.G., Chirikova A. (2017) Power in local Russian communities: patterns of interaction between legislative and executive branches of local government. *Urban Affairs Review*. Vol. 53. Issue 6. P. 990–1024.
18. Ledyayev V.G., Chirikova A.E. (2019) Urban regimes in small Russian towns. *City & Community*. Vol. 18. Issue 3. P. 812–833.
19. Sharafutdinova G., Turovsky R. (2017) The politics of federal transfers in Putin's Russia: Regional competition, lobbying, and federal priorities. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 33. Issue 2. P. 161–175.
20. Turovsky R., Gaivoronsky Y. (2017) Russia's regions as winners and losers: Political motives and outcomes in the distribution of federal government transfers. *European Politics and Society*. Vol. 18. Issue 4. P. 529–551.